

Мәрина
Халкиди

Сказки
Зазеркалья

Дед Мороз
для Арины

Annotation

Любовь не знает преград между мирами. А чудеса случаются, когда мы их даже не ждем. Эта история- мой подарок всем читателям на Новый год.

Гл.1 "Я отдал бы все, чтобы быть с тобою..."

Я люблю запах снега, он пахнет свежестью, морозом и зимой. Да, у каждого сезона свой уникальный запах. Лето — сводит с ума тяжелым цветочным ароматом, который щекочет нос, заставляя чихать от пыльцы, кружащей в воздухе, гонимой ветром. Весна — богата тонкими нотками сирени и запахом мокрой древесины. Запах вспаханной земли и скошенной травы напоминает — наступила осень. И наконец-то зима, дарящая запах мандаринов, новогоднего шампанского, мишуры и даже селедки под шубой. Есть у меня эта маленькая слабость — люблю селедку под шубой. И конечно же зима — это терпкий аромат хвои. Ни каких искусственных елок — только настоящие. Мне даже нравится боль от иголок, которые покалывают кожу, когда наряжаешь ель.

Каждая утро — я и мой золотистый ретривер выходим из квартиры и направляемся в парк, находящийся в паре минут ходьбы от многоэтажки. В лифте я пересекаюсь с Вадимом, он бежит каждое утро — в любую погоду. Перебрасываюсь парой слов со старушкой — Глорией Андреевной — от нее пахнет нафталином и духами «Красная Москва». Я здороваюсь с Игорем, он работает водителем у какого-то депутата, поэтому встает на рассвете.

Мы с Рокки улыбаемся проходим, новому дню и наступившей зиме. Да, я верю, что собаки умеют улыбаться, хотя мой брат считает меня фантазеркой.

Я снимаю ремешок с ошейника, и Рокки неуклюже носится вокруг меня, оставляя борозду на снегу от могучих лап. Он далеко не убегает от меня — оберегает, и я ценю его внимательность.

Я напеваю новогоднюю мелодию, хотя сейчас на календаре только середина ноября, до елок еще больше месяца, но зима завораживает меня с той самой секунды, когда выпадает первый снег. Новогодняя песня сменяется рождественской мелодией. Я улыбаюсь и как в детстве ловлю снежинки языком. Ретривер лает, он опасается, что я могу подхватить ангину. Показываю своему псу язык и ловлю сразу несколько снежинок.

— Не помешаю?

Ретривер настороженно молчит, ему не нравится, когда ко мне подходят в парке мужчины, желая познакомиться. Мне тоже это не нравится, наверное, потому что я знаю, чем все закончится. Может я и была фантазеркой, но глупость не числилась среди моих недостатков.

Я оборачиваюсь на голос и снимаю очки, глотаю ком в горле. Мой собеседник, судя по голосу, молодой интеллигентный мужчина. Воздух доносит до меня запах дорогого одеколона и сигарет. Незнакомец отступает от меня на шаг, на его лице появляется вежливая и натянутая улыбка — будто я могу ее увидеть. Он извиняется, и я слышу его поспешные шаги, хрустящие, как французские булочки снежные сугробы. Ветер еще несколько мгновений обволакивает меня запахом мужского одеколона. Я не шевелюсь, не понимая, почему мне каждый раз так больно, ведь я должна была уже привыкнуть? Я чувствую теплое дыхание ретривера, он облизывает мне правую ладонь.

— Ты мой лучший мужчина на свете, — умиляюсь я, крепко обнимаю пса, чтобы он не увидел одинокую слезинку, которая все же скатилась по щеке, — у меня есть ты, и больше никто мне не нужен.

Рокки делает вид, что верит мне. Настроение падает. Хочу вернуться в квартиру, но остаюсь в парке. Я никогда не жалею себя, не считаю себя ущербной, я уже давно свыклась со своей слепотой. Иногда я шучу и говорю, что «люди видят мир глазами, а я ощущаю его носом — я познаю мир через запахи». Обычному человеку не понять сколько в этом мире ароматов. А я могла рассказать, как пахнут солнечные лучи, когда они ласкают мою кожу, я могла прикоснуться к морозу и выдыхаемому пару. Каждая вещь в этом мире имеет свой запах. И вы даже не можете представить, как пахнет еда. У меня есть любимая пекарня в паре кварталов от дома. Я обожаю ходить в маленький магазинчик при пекарне, обожаю угадывать — что особенного приготовил кондитер и пекарь. А люди? У каждого человека свой неповторимый запах, и даже духи и одеколон не способны его уничтожить — лишь приглушить. У меня даже есть теория, да-да, не смейтесь, теория о том, что по запаху можно понять — хороший человек или злой. Мой брат — Денис раньше всегда смеялся, когда я, отстаивая свою теорию, пытаюсь его обнюхать. Денис пахнет камнем и дождем. Уверенностью и ребячливыми поступками. Мой ретривер согласен со мной, ему тоже нравится запах Дениса. А вот угрюмого мужчину из соседнего подъезда Рокки не любит. Впрочем, мне и самой становится жутко, когда я прохожу рядом с этим мужчиной, чье имя я так и не узнала за несколько лет. Я пыталась одно время с ним здороваться, но кажется его злило, что я видела его будучи незрячей, ведь шаги его были бесшумны, но запах невозможно было спутать ни с кем другим.

Это было не так часто, но порой мой слух улавливал слова полные похвалы и доброжелательности, и если мой слух можно было еще обмануть, то мой нюх — никогда. Два года назад Денис перестал надо мной смеяться. Он даже сказал, что в моей теории что-то есть. Но, к сожалению, воспользоваться ею могут только незрячие: ведь судьба забрала у нас зрение, но обострила восприятие мира другими органами чувств. Я не изучала, что говорит наука, просто прислушивалась к своим чувствам. Когда Денис познакомил меня со своим будущим партнером по бизнесу, моя сирена просто вопила, оглушая, — ему нельзя верить. Меня едва не вырвало от запаха плесени. Я как пес бродила рядом с братом и просила его не верить Анатолию. Чтобы я отстала, Ден попросил друга отца пробить Анатолия по базе, у которого даже имя оказалось не настоящим. А ведь Денис мог прогореть. После этого брат таскал меня на свои деловые встречи, устраивал случайные знакомства со своими партнерами по бизнесу. Я была не против. Со временем я даже заметила закономерность — у некоторых людей встречались одни и те же нотки ароматов. Люди пахнут по-разному, но — доброта, злость, агрессия, умение прощать и конечно любовь — пахнут одинаково. Просто у кого-то преобладают одни ноты, эмоции, чувства над другими, создавая свой удивительный неповторимый коктейль.

После прогулки в парке, мы с Рокки вернулись в квартиру, позавтракали и отправились на работу.

Наверное, мне повезло родиться дочерью обеспеченных родителей, ведь пенсия по инвалидности — которую мне платили — едва бы хватила на оплату коммунальных услуг и покупку женских мелочей. Квартира — в которой я живу, когда-то принадлежала моей бабушке: она давно уже умерла. И вообще ее личность довольно туманна, так как мама не любит рассказывать о ней. Квартира после смерти бабушки не пустовала: родители сдавали ее. Но когда мне исполнилось восемнадцать лет, я была категорична — хочу жить одна. Сказать, что родители были против, ничего не сказать. Мне пришлось даже уйти из дома и переночевать пару дней у подруги, ведь сдаваться я не собиралась. Мои родители —

чудесные люди. Отец пахнет камнем, как Денис, и осенними травами — у него большая душа, он у меня не пройдет мимо чужой беды. Отец много зарабатывает, но и многим помогает. Когда-то одна случайная знакомая сказала мне: «Бог дает необычных детей тем, у кого большое сердце, чтобы любить этих детей так сильно, как не любят даже здоровых чад их родители».

Я помню, как выглядит солнце и звезды, но вот уже шестнадцать лет как я ничего не вижу.

Это произошло за неделю до новогодних праздников. Помню, как мы поехали с отцом за елкой — на мне была чудесная новая шубка и шапка Снегурочки с двумя голубыми косами. Мне так понравился мой наряд, что я кружилась перед зеркалом, отказываясь покинуть дом. Мы ехали с отцом на елочный базар, когда я захотела есть. Мы зашли в маленькую кофейню — я съела воздушное пирожное и запила его колой. Елку мы выбирали двадцать минут. Она была очень красивая.

Джип протаранил нашу машину, когда мы выехали на магистраль. Уже позже — я узнала, что водитель был пьян. Я помню, как закричала, когда джип врезался в бок «ауди». Черная несущаяся машина и лицо мужчины с щетиной — эти картинки были последним, что я видела в своей жизни. Я пролежала в реанимации несколько дней. Елку вместе с машиной отволокли на свалку. А потом я открыла глаза и почувствовала запах горечи и боли. Наверное, я бы сошла с ума от того как пахли мои родители, мне было только семь лет, но запах обреченности нельзя было ни с чем спутать. Но затем в палату разрешили войти на несколько минут Денису. Брат старше меня на три года. В десять лет он часто обзывался и дергал меня за косички, но в тот день он стал настоящим старшим братом. Денис обнял меня и прошептал, что все будет хорошо: «Я позабочусь о тебе». Совершенно взрослые слова в устах ребенка.

Мама расплакалась и, с трудом подбирая слова, сказала мне, что я потеряла зрение. Мне было только семь лет, но я уже тогда поняла, что все изменилось, по-прежнему уже ничего не будет.

Мне было страшно. Я всегда боялась темноты. До пяти лет спала при включенном светильнике. У нас с отцом был вечерний ритуал, мы заходили в мою спальню, открывали двери шкафа, я убеждалась что там не прячется бугимен и только после этого ложилась в кровать. Бывало мы заглядывали и под кровать, но и там не прятались монстры. Боялась я не только темноты, но и зеркал. Вернее, не боялась, просто порой мне казалось, что я вижу странные тени, будто по ту сторону зеркал кто-то живет своей жизнью и заглядывает в наш мир. Это конечно все было глупостью, но в моей спальне не было ни одного зеркала.

Я боялась одна спать в больнице: родители договорились и дежурили у моей кровати. А потом мы приехали домой. Я не видела, но чувствовала, что отец не знает, стоит ли открывать дверцу шкафа, соблюдая наш ритуал?

Я сказала, что уже не боюсь темноты, но стоило отцу выйти из комнаты, как я спряталась под покрывалом, сочиня историю что у меня волшебное одеяло: стоит им укрыться и монстры не увидят меня.

С мамой всегда было непросто. Она хотела оберегать меня, боялась, что мне могут причинить боль или же я сама упаду и сверну себе шею. Не знаю, как это объяснить, но мама считала — если я потеряла зрение- я стала немощной. Но это было не так. Мой мир был прекрасен, красочные цвета в нем рождали запахи, звуки и прикосновения. После потери зрения, когда я только училась видеть мир через запахи, когда натыкалась на комоды, углы

столов, спотыкалась о пороги комнат, когда мир пугал меня, я услышала музыку и влюбилась. Отец сразу одобрил мое желание учиться в музыкальной школе, мама считала это глупой затеей. Отец приводил в пример Арта Тэйтума, но я тогда не знала, кто это. Не думайте, что в музыкальной школе, я была желанной ученицей. Моих родителей отговаривали от этой затеи, не зная, как учить меня. Взрослые спорили, и тут я почувствовала запах сдобы. Ольга Петровна пахла свежесдобленным хлебом.

— Хочешь петь, Арина?

И я ответила на ее вопрос — да.

Музыка стала моей жизнью. А затем были уроки у замечательного наставника, который учил и других незрячих детей.

— Рокки, к ноге.

Мой верный страж и умелый поводырь. У меня с Рокки любовь с первого запаха, с той секунды как он лизнул мою ладонь. Мы заботимся друг о друге. Он стал моими глазами, а я боялась порой задумываться о том, что ему шел уже восьмой год. Я могла пережить потерю зрения, но я не знала — смогу ли я пережить потерю друга?

— Привет, Валя.

— Привет, Аришка. Какие планы на сегодня?

— В консерватории концерт, у меня три сольных выступления.

— У... — провыла в трубку подруга, — как все запущенно. А потом?

— В два часа занятие с ребятами, освобожусь в четыре, но обещала на ужин к родителям заскочить.

— С родителями можешь и завтра поужинать, если хочешь я сама тете Кате позвоню, а сегодня мы идем с тобой в тот дорогуший ресторан в центре.

— Получила премию на работе?

— Лучше!

— Да не кричи ты так — я слепая, а не глухая.

— Зануда ты, Аришка.

— А тебе в театральный надо было поступать, а не на юриста.

— Буду в зале суда представления давать.

— Так что праздновать будем?

— Макс сделал мне предложение!

— Сумасшедший.

— Что?!

— Сумасшедший и влюбленный.

Небольшая пауза, вздох.

— Аришка, ты же рада за меня?

Вот умеет же смешливая Валька быть и серьезной. При чем иногда она зрит прямо в корень, но не сейчас.

— Стукну тебя вечером за этот дурацкий вопрос. Я рада за тебя, и не забывай, ты обещала, что я стану крестной твоего первенца.

— Э, нет. Мне всего двадцать три. Два-три года у меня еще есть... Мне пора бежать, я в шесть за тобой заеду.

С Валею мы дружим уже больше пятнадцати лет. Мы учились вместе с ней в музыкальной школе. Она была вторым человеком после Ольге Петровны чей запах меня привлек. Валя подошла ко мне в коридоре, после занятий:

— Ты и впрямь не видишь или притворяешься?

— Я слышу и чувствую мир.

— Это как?

Тогда я впервые рассказала о том, как различаю людей по запахам. И Валя мне поверила.

Как я могла не радоваться за нее? За свою единственную подругу и почти сестру. Валя была влюблена в третий раз в своей жизни. В первый раз — это был молодой преподаватель в университете, у которого хватило ума не связываться с семнадцатилетней студенткой. Валя плакала в подушку, когда мужчина отверг ее, а потом в ее жизни появился Евгений. Это был единственный раз в жизни, когда мы с подругой поссорились и не разговаривали несколько дней. Женя мне не понравился. Он пах канцелярской бумагой. Не книжной или газетной бумагой, а старыми документами и отсыревшими папками. Слова Вали разрывали мне душу, в сердцах она сказала, что я позавидовал ей, поэтому и была против ее парня.

Дети в школе или на улице, взрослые, которые относились ко мне как к калеке (не люблю это слово, я другая, а не калека), даже родители своей навязчивой любовью не причиняли мне такой боли, как слова Вали.

Тогда я как раз переехала от родителей на квартиру, брат помог мне перевезти вещи. Валя зашла бесшумно в коридор, она вылила на себя, наверное, весь флакон французских духов, которые я ей подарила. Но раскаянье нельзя было перепутать с другим запахом.

— Прости меня.

Я простила Валю раньше, нежели она извинилась. Брат только хмыкнул, наблюдая как мы с подругой рыдаем, обнявшись в коридоре.

— Все девки дуры, — заметил он.

Денис вернулся через пять минут, он сбегал в магазин на углу и купил вино.

— С новосельем!

Денис ушел, а мы с Валею выпили две бутылки вина, после чего заснули на одном диване. Утром голова болела от похмелья, в горле был сушняк, но мы с Валею были вновь лучшими подругами. О Жене мы не заговаривали, хотя Валя видела, что я стараюсь избегать встреч с ее парнем.

А через полгода Валя застучала своего парня с другой девушкой.

— Потерять тебя мне было бы намного больнее, — призналась тогда подруга.

Несколько лет Валя не доверяла ни одному парню, но год назад она познакомилась с Максимом. Ему правда пришлось постараться, чтобы завоевать ее сердце. Обжегся на молоке — дуешь на воду, так что я понимала сомнения подруги. Но я с первой секунды знакомства знала, что Макс не отступит — завоеует и сделает Валю счастливой. Самое странное, что Максим не пил алкоголь, но пах, как дорогой коньяк.

Завидовала ли я Вале? Нет. Как можно завидовать своим близким? За них надо радоваться — когда они счастливы и утешать — когда им больно.

Но мне было чуточку грустно.

Ведь каждый раз, когда ко мне подходил хороший парень, чтобы познакомиться, в моей душе теплилась надежда, что он не убежит с глупыми словами извинения, когда я сниму очки. Но шли годы, а я оставалась одна. Я не была одинока, ведь в моем мире были звуки и запахи, я рисовала музыкой солнце и звезды, которые царили в моей душе.

Мои родители были обеспеченными людьми, но я предпочитала зарабатывать сама. Бог забрал мое зрение, но он дал мне взамен — голос, способность чувствовать музыку и играть

на фортепиано.

Никогда не понимала людей, которые жалуются на свою жизнь или на судьбу, которая к ним не справедлива. Этим нытикам хотя бы один раз побывать на моих занятиях. О, у меня особые детишки — самые лучшие в мире. Так что выступив в консерватории, я вместе с Рокки бегу в старое здание музыкальной школы, которое требует ремонт, но у администрации как всегда нет денег на новую постройку. Ретривер в предвкушении, он знает каждого моего ученика. Вообще голден ретривер — удивительная порода собак. Они не только прекрасные поводыри, они работают с детьми с психическими отклонениями, помогают пожилым людям. Порой мне кажется, что многим людям можно научиться человечности у этих мудрых и добрых псов.

Дети — даже злые дети — пахнут мороженым. Саша — не видит, как и я, Дима — родился с патологией, Лене — поставили диагноз ДЦП...И каждый из этих удивительных и сильных детей безумно любит эту жизнь. Они никогда не опускают руки, даже, когда на уроках у них не все получается. Люба — не может говорить, но все-таки она приходит на мои занятия. И когда она играет, я украдкой утираю слезы.

Кто-то может подумать, что это я помогаю этим детям, но это было не так. Это они помогают мне оставаться сильной всегда. Ведь слезы — это не признак слабости — это способность сопереживать.

Рокки заигрывает с поводырем Саши — еще молодой овчаркой. Но урок заканчивается и мне приходится разбить влюбленную парочку.

Мы с Валею просмотрели вместе тысячи фильмов, укрывшись пледом и поедая тонны попкорна. В кинотеатр мы ходим только на ночные сеансы, когда в зале никого кроме нас нет, и никому не мешают комментарии Вали, объясняющей мне фильм. Так вот, Валя утверждает, что незрячие в фильмах проводят ладонью по лицу человека, чтобы описать его внешность. Мы даже раз провели опыт на моих родителях, Денисе и братьях Вали. Удивительно, но, если бы не запахи, я бы никого не узнала. А вот у Дениса оказалась какая-то феноменальная способность, он угадал всех.

Я помню себя семилетней девочкой со светлыми русыми волосами, но я не знаю, как я выгляжу сейчас. Валя говорит, что по десятибалльной системе, мне можно дать твердую семерку. Мне остается ей только верить, как и доверять ей выбор моей стрижки, цвета волос и одежды.

— Нет, ну так дело не пойдет. Я тут расфуфырилась, перышки начистила, а ты оделась как будто собралась на деловой ужин, а не на попойку со своей лучшей подругой.

— Пить много не буду, — сразу предупреждаю я, — мне завтра на работу.

— Ладно, но тогда ты надеваешь платье, которое я принесла.

Уточню, я доверяю Вале выбирать цветовую гамму одежды, а не фасон: будь ее воля она нацепила бы на меня мини и туфли на шпильках.

— Э... — я пытаюсь выдумать отмазку.

Валя смеется.

— Поезд ушел, так что сбрасывай свою лягушачью шкурку и облачайся в наряд прекрасной царевны.

— На улице мороз минус десять.

— И что? На улице ты будешь в шубе, а в ресторане с их фантастическими ценами уверена не экономят на отоплении. И учти — еще одна подобная отмазка — заставлю много пить.

Рокки не любит оставаться один в квартире, но в ресторан вход с животными был запрещен. Да, что в ресторан, нас порой и в магазины не пускают. Так что мой мальчик привык коротать время без меня.

— Не скучай, я принесу тебе вкусность.

— И нас примут за плебеек, если ты завернешь еду в салфетку и запихнешь ее в сумочку.

— Краснеть придется тебе.

До машины мы бежим, Валя придерживает меня за плечи, чтобы я не упала, хотя на каблуках и зрячий по гололеду может навернуться.

— Ну, теперь рассказывай, как это было?

По салону разливается аромат умиротворения и тепла. Валя вновь переживала момент, когда Максим сделал ей предложение.

— Не думала, что он романтик.

Второй аромат у Максима был паприка, так что я не удивлена.

— Знаешь, мне так хорошо, что даже страшно, — признается Валя.

— Он твоя судьба.

— Откуда...спасибо, Аришь. Между прочим, платье подружки невесты выбираю я.

— Валек, мы же не в американском фильме.

— И что? Свадьба моя. Надо и жестянки зацепим за бампер машины.

— А теперь мне страшно.

— Ну, с жестянками, я наверное погорячилась, — рассмеялась Валя. — Максим боюсь передумает жениться, если я покушусь на его машину. А если серьезно, то свадьба через месяц, за пару недель до нового года.

— Ты шутишь? Так быстро?

— Ага, представляешь? Я думала он предложение через год только сделает и то поле моих более чем прозрачных намеков, потом думала в невестах годик походить, а Максим... ему предложили командировку в Китай на три месяца, так что — туда мы поедим уже семейной парой.

— Ты уезжаешь?

— Всего на три месяца, затем Максима ждет повышение.

— А твоя работа?

— Уже договорилась.

Мы с Валею созваниваемся каждый день, в гости ходим друг к другу несколько раз в неделю, вместе ездим отдыхать. Я чуточку сожалею, что это изменится навсегда. Но я не хочу омрачать этот день грустью.

В ресторане нас проводили к столику, на меня как всегда таращатся. Люди чувствуют, когда на них смотрят, незрячие тоже это понимают.

— Сами дураки, — бурчит под нос Валя.

Я улыбаюсь. Но вот что я бы без нее делала?

Официант представился Олегом. Я улыбаюсь шире, до меня доносится аромат имбиря. Я не люблю имбирь, но это запах открытости и доброжелательности.

Валя заказывает дорогущее шампанское, я не отказываюсь от бокала и прислушиваюсь к звукам и запахам. Людей в ресторане слишком много, но среди всех ароматов преобладает послевкусие желаний и практически отсутствует запах старости.

Играет музыка, раздаётся стук каблуков, я практически вижу, как певица подходит к

микрофону и начинает петь. Невольно морщусь. У меня идеальный слух, а незнакомка ужасно фальшивит, хотя голос у нее неплохой.

— Что-то не так? — видимо у меня слишком живая мимика, так как вопрос задает Олег.

— Фальшивит, — шепчу я в ответ.

— Наша певица приболела, а Вера замещает ее.

— Ариша, а может ты споешь? Ну серьезно, сделай мне подарок.

— А вы поете?

Один известный продюсер предлагал мне контакт — большая сцена, популярность, концерты. Но все это было не мое. Не люблю я выступать на публике. Но Вале я оказать не могу. Стихают последние ноты, и Олег вежливо предлагает подвести меня к микрофону: он уже договорился с музыкантами.

Но я не люблю петь, когда аккомпанирует кто-то чужой. Прошусь к фортепиано. Присаживаюсь на стул и знакомлюсь с инструментом, вдыхая его запах. Глажу красную гляцевую поверхность. Возможно она и не красная, но в моем мире я наделяю ее именно красным цветом.

Пальцы взлетают над поверхностью клавиш, и я начинаю петь — одну из любимых песен. Я ничего не вижу, но все равно закрываю глаза.

— Милорд, вы позволите мне завтра взять выходной?

Крис открыл глаза, непонимающе посмотрел на дворецкого — действительно старого демона, который служил ему уже много лет.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил мужчина. — За все эти годы, ты впервые просишь выходной, — уточнил он.

Старик неуверенно переметнулся с ноги на ногу.

— Моя внучка завтра приезжает в город, я обещал ее родителям помочь ей найти жилье и обустроиться.

— Внучка, — рассеянно пробормотал Крис, — о, я помню ее с этими тремя смешными косами.

— Да, милорд, один раз я приводил ее в поместье, вы позволили устроить ей экскурсию.

— Сейчас она, наверное, уже совсем взрослая. Чем она планирует заняться в столице?

— Э, милорд, она собирается стать моделью.

Крис усмехнулся и вновь прикрыл глаза.

— В дни моей юности девушки предпочитали найти богатого мужа или любовника.

— Феминизм, мой лорд, — согласно кивнул головой старый демон.

Мужчина в кресле улыбнулся, услышав слово из человеческого мира в устах верного слуги. Да, к чему катится Зазеркалье, подумал Крис, молодежь практически не отлипает от зеркал, по которым смотрят передачи и фильмы из мира людей.

Зеркала — они были тонкой гранью между разными мирами. Люди, лишённые магии, не умели открывать порталы, а жители Зазеркалья давно освоили эти проходы, что значительно сэкономило время. Да и в мире людей можно было развлечься.

Крис открыл глаза и посмотрел на пламя в камине. За одну свою ребяческую выходку в дни бурной молодости он вынужден был расплачиваться, практически став отшельником в своем поместье.

Крис в последние месяцы все время мерз, поэтому он приказал разжечь камин по

всему поместью. Слуги переглядывались, но не осмеливались задавать вопросы.

— Можешь взять выходной, а твоя внучка пусть остановится в моем городском доме.

— Боюсь, милорд, это будет неудобно.

Ореховые глаза Криса потемнели.

— Мне решать, что удобно, а что нет. Пусть займет гостевые покои и может разболтать об этом всем своим новым подружкам. Мое имя защитит ее. На этом все, Трез, можешь идти.

Старик окинул внимательным взглядом сутулившуюся фигуру хозяина поместья. Его кожа была светлее нежели у темнокожих демонов, оказалось наследие матери суккубки, которая родив сына, с радостью передала его заботам бывшего любовника. Трез служил так давно своему хозяину, что знал, как тот не любил посещения матери, хотя ни разу не указал ей на порог и закрывал глаза на ее заигрывания с гостями и друзьями-одногодками.

— Может принести вам кофе, господин?

Мужчина не отвел взгляд от камина.

— Иди, Трез, сегодня ты мне уже не потребуешься.

— Да, милорд.

Старик ушел, а мужчина горько усмехнулся, он дожил до того, что слуги стали его жалеть. Взгляд Криса упал на послание, которое он скомкал в руках. Его мать предупреждала о своем визите. Она не просила разрешения погостить, а просто ставила перед фактом. А значит очередной кавалер бросил ее, что случалось раз в году. Ни один из любовников матери инкуба не выдержал дольше. Крис понимал, что сам позволил матери ее внезапные приезды, позволял ей распоряжаться в своем доме, порой оскорблять слуг, чтобы однажды она вновь бесследно исчезла на год-другой. Когда-то Крис оправдывал мать, веря, что гены диктуют ей ее поведение. Ведь она была суккубой — разновидностью демонов, которые питались сексуальной энергией, получая ее от партнера в момент близости. В кои веки людишки из мира, скрытого за зеркалами, были правы. Но не во всем. Суккубы и инкубы — не были порождением Сатаны, они не были детьми Лилит или природными духами и уж точно не вселялись в мертвяков. А также они не могли менять пол, Криса аж передернуло, когда он вспомнил, как один демонолог из мира людей особо красочно ему рассказывал, как инкубы могут обращаться в суккубок, чтобы спариваться с обычными мужчинами и красть у них семя. Крис и в страшном сне не мог представить себе этот процесс. Но он мог и впрямь менять внешность — вернее заставить партнершу увидеть желанного мужчину, эльфа, фейри, лепрекона или любую другую нечисть. Крис мог внедряться в сознания и сны своих женщин или напротив мог внушить им, что проведенная ночь была сном. Крис не любил эту свою половину, ведь отец воспитывал его по-другому. И в настоящем Редмунд был счастлив в браке с женщиной, которую не только вождеделел, но и любил. А Крис боролся, как там люди говорят, усмехнулся инкуб, «боролся со своими внутренними демонами» и не всегда побеждал.

Мать Крис увидел впервые в жизни, когда ему исполнилось пятнадцать лет, она пришла к Редмунду, чтобы попросить деньги взаймы, которые до сих пор не вернула. Крис был счастлив, ему хотелось понравиться матери. Но она едва обращала на него внимание, заявив, что в нем больше от обычного демона, а не инкуба. Вот тогда Крис пустился во все тяжкие, ему захотелось испытать свои силы. Женщины и так редко ему отказывали, но теперь Крис не брезговал использовать свои чары...мужчина рванул ворот рубашки, который душил его. Проклятия были сильны в мире Зазеркалья, но Крис не знал, что может получить его с другую сторону зеркала, от обычной человеческой ведьмы. А ведь не поверил, даже

насмехался над старухой, а когда осознал и понял — стало поздно — ведьма умерла. Снять проклятие мертвой ведьмы — последнее ее заклятие — не могли и в этом мире.

Отец искал способы, а Крис опять обратился к своей крови. Он подумал, что, если проклятие отнимало годы его жизни, их можно было вернуть, забирая энергию у партнерш. Однажды Крис проснулся в каком-то подвале с несколькими девушками — младшей было только шестнадцать. И тогда Крис решил — хватит. Он оборвал связи со всеми старыми друзьями и приятелями. Крис не хотел умирать, он надеялся преодолеть или хотя бы отсрочить проклятие, но оно практически пустило корни во всем теле.

Инкуб больше десяти лет боролся, но в настоящем счет шел на недели. Проклятие черной паутиной оплетало его тело, черные нити подбирались к сердцу. Мужчина изменил свою жизнь, занялся благотворительностью, обращался даже к богам, но слова черной ведьмы, брошенные как наговор без обряда — были сильнее всей магии Зазеркалья.

Крис вздрогнул, услышав звуки мелодии. Демон непонимающе осмотрелся, в гостиной стоял рояль, но никто не осмелился бы играть на нем без разрешения хозяина.

Крис догадался что звук мелодии доносится из зеркала, мужчина поднял руку, чтобы избавиться от звука, но тут он услышал голос, и рука безвольно упала на подлокотник кресла.

Голос незнакомки обволакивал тело коконом, проникал сквозь поры кожи и рвался, как и проклятие к самому сердцу. Ее голос — то низкий, то более высокий, то с хрипотцой, то чистый, как звук хрустального бокала заставлял растворяться в словах и мелодии...

Я слышу тайный звукоряд.

Давид играет, Бог так рад.

Зачем Вас эти звуки не волнуют?

Один аккорд,

Другой аккорд,

Упал минор, взлетел мажор,

И царь поёт в восторге: Аллилуйя!

Аллилуйя, аллилуйя

И Ваша вера так сильна,

Купаясь в небесах она

Прекрасна, жаль, что ночь её ворует.

И вот под вами

Табурет,

А трон разбит, короны нет,

И только с губ слетает: Аллилуйя!

Аллилуйя, аллилуйя

Вы правы: я святых не знал

Имён, но всё же я взывал

К тому, чьё имя не помянешь всуе.

Любой глагол

Горит огнём,

Когда я слышу святость в нём,

Когда он хоть немного — Аллилуйя.

Аллилуйя, аллилуйя

И я не верил правде той,

Которой не достать рукой,

Боясь обмана, к истине ревную.

Но даже если

Это ложь,

Представ пред Богом Песен, всё ж

Смогу промолвить только: Аллилуйя!

Аллилуйя, аллилуйя!

Последние звуки музыки стихли, но Крис не мог пошевелиться. Он все еще находился под лучами голоса. Демон умел соблазнять, обнажать все тайны и желания, заставляя вожделеть, но Крис не мог и представить, чтобы песня могла действовать как сильнейший афродизиак. Демон не видел лица незнакомки и ее тело. Была ли она красива или уродлива? Он просто знал, что никогда никого не желал, как владелицу этого голоса. Крис покачал головой, пытаясь избавиться от наваждения.

— Невозможно, я же полукровка.

Демоны могли почувствовать свою вторую половину, но Крис был уверен, что кровь матери лишила его и этого дара.

— Только не сейчас.

Крис резко встал, подошел к зеркалу, рванул рубашку, пуговицы осыпались на пол. Мужчина смотрел на черную паутину татуировкой уродующую кожу. Сколько, задал себе вопрос демон и устало опустил плечи. Крис подошел к камину, он не собирался искать девушку, ведь все что он мог дать ей — это только один месяц. Молодой Крис бы не сомневался, но мужчина научился думать не только о себе.

Гл.2 "Каждую ночь полет мне снится..."

Я обожаю аромат кофе — черный, без сахара, с молоком, капучино, лате, с пенкой. Триста шестьдесят пять дней в году я начинаю с того, что открываю банку с зернами кофе, засыпаю их в кофемолку, вручную перекручиваю, ставлю на плиту турку, купленную в Турции, добавляю немного сахара и воды. Я могу с точностью до секунды почувствовать, когда кофе начинает закипать, ведь его аромат неповторим.

Но сейчас — после шести чашек кофе и четырех часов, проведенных в свадебном салоне, я поспешно отказываюсь еще от одной чашечки и шоколадных конфет. Удивление работниц салона витало в воздухе, когда Валя привела меня в качестве советника. Я и сама была удивлена, не понимая, чем я могу помочь Вале.

Подруга плюхнулась рядом со мной на диван.

— Это невозможно, но во всех платьях я выгляжу по-дурачки.

Валя и Максим не переставали меня удивлять, моя подруга отказалась от роскошной и помпезной свадьбы. Уютный ресторан, восемьдесят гостей и брачная церемония прямо в зале — без выкупа и всех глупых конкурсов. Брачная ночь в гостинице, а уже утром самолет должен был увезти молодоженов в Китай.

— А теперь закрой глаза и представь, — ты идешь по дорожке усыпанной красными розами. Подол твоего белоснежного платья искрится и переливается, как стекло, покрытое льдом, треснутым в узор, в котором можно увидеть причудливые облака. Ты идешь по цветочной дороге, твои шаги становятся все увереннее, потому что в конце пути тебя ждет Максим и уже не важно какое платье украшает твой стан, все становится неважно, потому что этого дня ты ждала всю свою жизнь.

Слышу смех Вали.

— Сирена, — шепчет она.

— Вам бы слоганы писать, — соглашается консультант, представившаяся Настей. Я знаю, что у нее светлые волосы и мягкая улыбка. Люди часто находятся не на своем месте. Не знаю, как это объяснить, но люди ходят на работу ради заработка, призвания, от безысходности. Я каким-то образом это понимаю. Так вот Настя была на своем месте. Терпеливая и спокойная, вежливая и реально заинтересованная чтобы покупательницы оставались довольны.

— Ой, как же я могла забыть. Есть у нас одно платье, его только на днях доставили, у него шов один чуть распоролся, и мы отдали его швеям на доработку. Лена, принеси его из подсобки.

Я не могу увидеть это платье, но слышу, как удивленно вдыхает Валя, а в воздухе появляется запах ванили.

— Это оно? — догадываюсь я.

— Да, Ариш, это оно.

Я прикасаюсь к тонкой как паутине ткани, платье почти невесомое. Краем уха слышу, как Настя просит Валу скинуть на сайт салона свадебную фотографию. Мне поясняют, что стены бутика украшены картинами невест.

— Так, а теперь нам нужно платье для подруги невесты.

На улице ветер, он играет со мной и пытается опрокинуть на снег, я цепляюсь за локоть

Вали, как будто это торнадо способно унести меня в страну Оз. Хотя я и не против. Подруга не стала надо мной издеваться несколько часов, мне платье мы подобрали за полчаса. Белое платье, но не белоснежное, а в легкой дымке, — объяснила Валя, фасон девятнадцатого века.

Рокки встречает меня радостным лаем — соскучился малыш. Наверное, это глупо, но достаю из коробки платье и примеряю его. Слышу фырканье Рокки и показываю ему язык, после чего кружусь по комнате. Я чувствую себя Наташей Ростовской готовящейся к первому балу. Валя успела мне шепнуть, кто будет дружкой Максима — Андрей. Мы сталкивались с ним случайно пару раз, и, кажется, моя слепота не напугала его. В сердце шевельнулась надежда, просыпаясь и показывая кончики своих ушей. Рокки вновь фыркает и уходит в гостиную, в которой включен телевизор. Мой пес — настоящий киноман. Я, когда уйду из дома без него, всегда оставляю включенным телевизор.

Снимаю платье и вешаю его на плечики, после чего иду в ванную и включаю воду. Люблю понежиться в пене и мне нравится звук льющейся воды. Напеваю детскую песню про Новый год, которую мы разучиваем с детьми. Снимаю белье и погружаюсь в воду. Пена с запахом орхидеи ласкает мое тело как умелые руки любовника. Думаю об Андрее, и хотя я знаю, что в ванне нельзя засыпать, я устало откидываю голову на маленькую подушку и засыпаю...

Крис смотрел на рисунок обычных на вид песочных часов и не мог поверить, что этот простой артефакт мог стать его спасением. Инкуб не знал — успеет ли отец его найти, но надеялся на это. Хотя даже отцу Крис не признался, как глубоко проклятие пустило свои корни в его теле и скорее всего в его душе. Инкуб бросил очередной взгляд в зеркало, он больше не слышал звуков музыки и голос, воспоминания о котором его заставляли просыпаться в холодном поту.

Взгляд демона метнулся к рисунку. А ведь впервые за десять лет это был реальный шанс снять проклятие и спасти жизнь.

Трез бесшумно вошел в кабинет.

— Я осмелился, милорд, принести вам легкий ужин.

— Я не голоден.

— Кухарка приготовила печаль осени.

Крис спрятал улыбку, подумав, что мало у кого из знакомых слуги идут на хитрости и интриги, чтобы накормить ужином собственного хозяина.

— Хорошо, Трез, поставь на стол.

— Конечно, господин, — искренне обрадовался слуга.

— Трез, можно задать тебе личный вопрос?

Старик не смог скрыть промелькнувшее на лице удивление.

— Я слушаю, господин, — с вернувшимся бесстрашием на лице сказал демон.

— Если бы ты встретил женщину, с которой хотел бы быть, но обстоятельства складывались так, что ты ничего не мог бы ей дать, то... — Крис с трудом подбирал слова.

— Я овдовел двадцать лет назад, тогда я еще не служил у вас, так что мою супругу вы не знали. Даяна хоть и не была вампиром, но выпила немало моей крови. Да и характер у нее был не простой. Как там люди говорят — коня на скаку остановит, в горящую избу войдет? Вы, простите меня, милорд, что я прервал вас, вот только я бы не терял ни минуты на вашем месте. Счастье не всегда приходит — когда мы готовы и ждем его, а вот упустить его можно

очень легко. Я не мастак говорить, милорд, но не стоит упускать свой шанс.

— И давно ты знаешь? — устало спросил Крис, который думал, что ему удалось от всех скрыть свое проклятие.

Слуга кивнул.

— Я уже старик, мой лорд, но все еще не научился верить в чудеса...

Крис так и не поужинал, хотя кухарка приготовила его любимое блюдо. Инкуб стоял перед зеркалом и слова старого дворецкого крутились в его голове как карусель. Правда в чудеса он уже давно не верил. Зеркало покрылось пеленой, в нем замелькали картинки человеческого мира, но каждая увиденная девушка не была похожа на обладательницу чудесного голоса...

У девушки был необыкновенный смех — не высокий и звонкий, а низкий с хриплыми нотками. Она смеялась так же, как и пела. Девушка кружилась в маленькой комнате, делая танцевальные па. Незнакомка показала язык большой золотистой псине, которая ретировалась из комнаты.

Крис не знал, кого он ожидал увидеть, но девушка ему понравилась. Да, она не была красавицей, но она влекла инкуба. Глаза девушки заволакивала белая пелена, и Крису оставалась только гадать — какого цвета были ее глаза. В ванной комнате зеркало было небольшим, но Крис видел, как девушка сняла белье, напивая смешные и озорные песни. Инкуб обеспокоенно подался вперед, едва не вступив в портал, наблюдая как девушка поскользнулась, но удержалась на ногах. Когда раздалось мирное дыхание незнакомки, Крис только покачал головой. Мужчина, не сводя взгляда с зеркала, мерил шагами кабинет. Ему хотелось переступить порог маленькой ванной комнаты, взять девушку на руки и...И что дальше, спросил себя Крис? Песочные часы не найдены. Крис давно не использовал свои способности инкуба, но сейчас он подумал, что мог дать девушке мечту, фантазию сна, а себе возможность если не стать счастливым, то прикоснуться к счастью.

Крис воспользовался зеркалом в спальне. Золотистый ретривер оскалил пасть и тихо зарычал. Инкуб мог усыпить и собаку, но вместо этого присел на корточки и заглянул в умные глаза пса. Противостояние длилось несколько минут, но пес, уверившись, что хозяйке не причинят вреда, покинул свой пост. Животные чувствовали потусторонний мир. Просто собак было убедить проще нежели кошек.

Уже в ванной инкуб подумал, что ему нелегко будет только сдержаться и остаться в памяти девушки только лишь сновидением.

Крис провел рукой по лицу девушки, погружая ее сознание в более глубокий сон, после чего поднял ее на руки, набросил полотенце и отнес на кровать.

Мне редко снятся сны. Я одновременно и жду их и ненавижу. Ненавижу их, когда мне снится, что я незрячая во сне, а запахи мне там недоступны, поэтому я оказываюсь во тьме. Я не знаю где нахожусь, не вижу мир глазами, ощущениями и запахами. Мне кажется, что я в ловушке, из которой мне никогда не выбраться. Но есть и другие сны-воспоминания, в них я вижу картинки из детства — лица близких и совершенно незначительные детали. Видеть мир теперь я могла только во сне, но и там он был искривленным, будто его рисовал Пикассо.

Я понимаю — этот сон сразу как открываю глаза, ведь я снова вижу. Бросаю взгляд на босые ноги, но мне не холодно, хотя я стаю на мраморной плитке в огромном холле. Ловлю свое отражение в зеркале и подхожу ближе, чтобы рассмотреть себя. У незнакомки в

отражении — карие глаза, в то время как у меня они были серо-зеленые. Я не знаю, почему мое подсознание наделило меня такой внешностью, но мысли исчезают, когда я понимаю, что не одна в этом огромном холле с парящими под потолком светильниками.

В зеркале я вижу тень, но вместо того чтобы закричать или испугаться, я прикрываю глаза, чтобы вдохнуть запах незнакомца: впервые во сне я могла привычно видеть мир через запахи. Ведь зрению я не доверяла даже в сновидениях. Я могла различить все запахи кофе, горячего какао и шоколада. Мужчина пах обжигающим шоколадным напитком — аромат терпкого какао с нотками ванили и красного жгучего перца чили сводил меня с ума. Мне хотелось протянуть руку, взять стаканчик и сделать один глоток, посмаковать его во рту и распробовать на вкус. Затем сделать еще один глоток и еще. Я хотела выпить чашечку шоколада до дна. А еще запах пробуждал во мне желания — я видела себя на шелковых серых простынях, надо мной склонялась неясная тень мужчины, я вдыхала запах его желания и почти молила прикоснуться ко мне. Он медлил, чтобы одним рывком войти в меня. Пустая чашечка кофе падает из моих ослабевших рук, остатки напитка расплескиваются на простынях, но я тону в новых ощущениях и наслаждении... Настороженно открываю глаза, мужчина теперь в трех шагах от меня, и я понимаю, что это не человек. Нет, это один из тех чудовищ, которых я видела в шкафу и в тени зеркал. Я должна бояться, но не могу, потому что вблизи к запаху горячего шоколада добавляется звуки прибоа. Он не причинит мне вреда, и он не ужасен на вид. Напротив, он красив — демон пришедший ко мне во сне.

— Ты не боишься меня?

Боюсь? Нет. Но слова остаются несказанными, когда демон подходит ко мне. Он ни о чем не спрашивает, протягивает руку и мое платье трансформируется. Новый наряд обтягивает мое тело, едва прикрывает грудь. Стыдливо прикрыться? Нет. Не могу и не хочу.

Я помню — это только сон. В нем нет условностей, в нем я свободна.

— Как тебя зовут?

— Арина.

— А я Крис...сыграешь для меня?

Смеюсь. Даже в эротическом сне мужчина хочет услышать мою игру, а не заняться со мной любовью.

Мужчина улыбается.

— Предпочитаю смешивать.

Делаю несколько шагов и понимаю, что меня настораживает в этом доме — он пуст. Я люблю здания, особенно старые. Мне нравится прикасаться к стенам и слушать ту историю, которую они рассказывают, а за десятилетия и столетия, поверьте, им есть что рассказать. Но этот дом не только пуст — он спит, потому что в его стенах давно ничего не происходит.

— Грустный дом.

— Что?

— Дом — ему грустно, что здесь нет жизни.

Крис останавливается, хмурится.

— Возможно, ты вернешь жизнь нам двоим.

Мысли вылетают из головы, когда я вижу в центре комнаты белое фортепиано. Оно прекрасно и, хотя оно не издает еще ни звука, я слышу его пение. Оно говорит со мной, просит прикоснуться к его клавишам. Я забываю о своем странном спутнике и присаживаюсь на стул. Поднимаю крышку и осторожно провожу рукой по глянцевой поверхности, знакомясь с инструментом.

Поднимаю глаза и ловлю темный взгляд демона.

— Что мне спеть?

— То, что мне расскажет о тебе.

Музыка — моя жизнь. Я познаю окружающее через запахи, а мелодию слышу всегда. Пальцы бегло ласкают клавиши, я закрываю глаза — так привычней, зрение только отвлекает меня...

Стань моей душой, птица,
Дай на время ветер в крылья,
Каждую ночь полет мне снится,
Холодные фьорды миля за милей.

Я пою слова песни и забываю, что я сплю, забываю о демоне, который смотрит на меня, фальшивлю, потому что чувствую, как мужчина садится позади меня. Я в капкане его рук и тела, его губы сначала почти невесомо прикасаются к моей шее и спине, им на смену приходит язык, который кажется раздвоен на кончике.

— Не останавливайся, — шепчим мы одновременно. Он смеется и продолжает вырисовывать на моей спине картину Моне, а я пою с новыми нотками в голосе. Мой голос дрожит, и я молча откидываю голову назад. Демон приподнимает меня, и я уже сижу на белом глянце фортепиано.

Он не торопится, просто смотрит на меня. А я не знаю, что мне делать, потом вспоминаю что этой — мой сон, так что я могу делать что угодно. Никогда никого не раздевала, так что с пуговицами на рубашке справлюсь не сразу, но он помогает мне, и рубашка взлетает белым облаком в воздух и падает на черный пол.

Его тело идеально, по крайней мере для меня.

— Странная татуировка. Что она означает?

— Это не татуировка.

— А что?

— Проклятие.

— А...

— В другой раз, — обещает Крис, — а сейчас просто забудь.

Это несложно сделать, тем более что теперь на мне красное платье — с корсетом и пышной юбкой — которое тает как туман с каждым прикосновением мужчины. Валя еще в семнадцать лет просветила меня о подводных камнях океана под названием секс. Вот только до практики дело так и не дошло, нормальных парней я отпугивала, а извращенцы пахли для меня...

— Что ты делаешь?

— То, что тебе нравится...

Утром я просыпаюсь совершенно разбитой, у меня такое чувство что я не спала всю ночь, я даже не могу вспомнить, как легла в кровать. Но тут запах шоколада, перца и ванили заставляет меня испуганно принюхаться к себе и простыням. Я пытаюсь вспомнить сон, но в голове пелена из снега.

— Что с тобой? Ты в последнее время рассеянна.

До свадьбы остается все меньше дней, Валя начинает нервничать, а я не могу понять, что со мной происходит.

— Ариш, а это что, серьезно засос?

— Откуда, от святого духа? — смеюсь я немного истерично.

— Ну, не знаю, — грустно замечает Валя.

Подруга останавливает машину.

— Тебя проводить?

— Нет, спасибо. Рокки!

Родители живут за городом. Один раз в месяц я приезжаю к ним на выходные. Но сегодня я еще у ворот понимаю — что-то не так.

— Аришка, привет.

Денис не один. Сначала до меня донесется аромат мужских и женских духов. Эти запахи мне незнакомы, как и их владельцы. Я ненавижу сюрпризы, и ощущение что этот мне не понравится, проносится в голове.

Рокки подает голос, ему не нравится, что его игнорирую.

Брат забирает у меня из рук чемодан.

— Привет, чудовище.

Рокки рычит — он не любит это прозвище.

— Моя сестра Арина, а это — моя девушка Катя и ее брат Вадим.

С братом мы созваниваемся почти каждый день, часто встречаемся, он заезжает мне помочь, поэтому становится обидно, что о его девушке я узнаю так, между прочим.

«Приятно познакомиться», «рада встрече», наверное, я должна была сказать одну из этих фраз, но я не была рада знакомству.

— Понятно.

— Денис много о тебе рассказывал.

Хочу ответить, а я слышу о тебе первый раз. Но это прозвучит как обида маленького ребенка или стервозной сестры. Я молчу. Очки в машине Вали я спрятала в сумочку. Видеть себя без них — я разрешала только близким, Катя со своим братом были чужаками. Денис хорошо меня знает.

— Арина, давай я провожу тебя в комнату. У вас будет еще время пообщаться.

— Мы, пожалуй, прогуляемся в саду, — соглашается Катя.

Мы с Денисом заходим в дом. Мне надо несколько секунд, чтобы собраться с мыслями, я хочу избежать встречи с мамой.

— Обиделась?

— Да.

Брат хмыкает.

— Ты как всегда прямолинейна.

— Почему если мне больно, я должна молчать?

Брат берет меня за руку, не вижу, но знаю, что он разглядывает мое лицо.

— Прости, — искренне просит он. — Помнишь со сколькими я тебя девушками знакомил, а сейчас все по-другому.

Чуть смягчаюсь.

— Влюбился?

— Кажется.

Первые числа декабря — мороз, а такое чувство что наступила весна. Все влюблены, кроме меня.

— Ты не сказал мне из-за Вали?

— Не хочу, чтобы ты была одинока.

«А я Крис», — проносится в голове непонятно откуда взятая фраза.

— Эй, все в порядке? Ты еще здесь?

— Все хорошо, и я попытаюсь подружиться с твоей Катей.

Да, не стоит давать обещания, которое не можешь выполнить. О нет, Катя не оказалась злобной мегерой или лгуньей и лицемеркой. Ничего такого. Просто она была другой. Не такой как так же Валя — порой взбалмошная и порывистая, но настоящая и открытая. Катя была воспитана, вежлива, она внимательно слушала, не прерывала собеседника, отвечала не торопясь, задумываясь над словами. Не повышала голос, ведь эмоции она держала под контролем. Идеальная светская спутница, но жена? Мать была в восторге, она и из меня хотела воспитать снежную королеву, но я не подалась ее уловкам. Отец с легким скепсисом отнесся к новой подруге Дениса, но он не вмешивается.

— Может, споешь нам?

«Сыграешь для меня?»

— Я немного простудилась, — солгала я, — так что в следующий раз.

При первой возможности я ссылаюсь на головную боль и поднимаюсь в свою комнату. Засыпаю, как только закрываю глаза, чтобы вновь очутиться в незнакомом замке. Воспоминания возвращаются ко мне, и я ищу Криса. Каблуки стучат по полу, в зеркалах отражается незнакомка в вечернем туалете, с собранной прической и диадемой на голове. Останавливаюсь, сегодня я выгляжу как Белль из старого диснеевского мультика. Мне кажется Крис каким-то образом умудряется выскивать образы из моей головы, мои желания и сокровенные тайны.

— Крис.

Его имя звучит песней. Я вижу лепестки роз, разбросанных на полу. Хлебные зернышки ведут меня на лестницу. Я поднимаюсь очень высоко, прохожу коридор и оказываюсь в комнате башни.

— Крис, — шепчу я.

Сначала я чувствую его запах, потом он обнимает меня.

— Я скучал.

Сегодня нам не нужны слова. Мое тело, разбуженное им, откликалась на каждое его прикосновение. Он был моим заклинателем змей, потому что по его приказу я готова была делать то, что он пожелает.

Вчера только он дарил мне наслаждение, сегодня я хочу изучить его тело, каждый изгиб, родинку и линию неизвестного проклятия.

Одежда исчезает с его тела, Крис лежит на спине, запрокинув руки за голову. Он демонстрирует, что весь в моем распоряжении. Его тело откликается на каждое мое прикосновение и теперь я становлюсь заклинателем змей, вернее демона. Он безупречен, а я не знаю, как доставить наслаждение мужчине, но я помню, как накануне он заставил меня кричать от поглаживаний, как его язык выводил трели на моем теле.

Сегодня моя очередь...

Мы лежим на полу, но мне тепло. Мы разговариваем обо все на свете, и он слушает меня, а не делает вид что ему интересно.

— Кто проклял тебя?

— Старуха, ведьма.

В обычной жизни я не верила в проклятия, но в этом замке в готическом стиле, в

объятиях демона с рогами, хвостом и раздвоенным языком я верила в потусторонний мир.

— За что?

— За то, что использовал свои чары, чтобы соблазнить ее внучку.

— Чары?

Теперь настал его черед говорить. Верила ли я? Да. Другие миры, скрытые от обычных людей и тонкая грань зеркал, которая защищала наше измерение от монстров и чудовищ, для которых человек не представлял опасности и порой ценности.

— Не каждый способен ходить между мирами. Существуют маги-смотрители, которые отвечают за то, чтобы безумцы не шастали в ваш мир. А тех, кто нарушает закон — ждет наказание.

— Я буду помнить об этом разговоре? — спрашиваю я.

— Нет.

— А если я хочу помнить? — настойчиво уточняю я.

— Проклятие убивает меня, если я не найду способ его снять, то лучше тебе не знать и не помнить меня.

— Решать мне.

— Нет, Ари, в этом мире сновидений решаю только я.

Я пытаюсь сопротивляться, вернуться к разговору, но он не позволяет мне задать вопрос, его губы накрывают мои и это похоже на борьбу, которую я проигрываю.

Гл.3 "Но может, тебя и на свете нету..."

Валя уехала только вчера, а мне ее уже не хватает. Свадьба прошла именно так, как и мечтала подруга. Я спела на вечере несколько песен, Валя прослезилась и сказала, что раньше в моем голосе не было столько проникновенности. А когда я отказала другу Максима — Андрею в свидании, подружка была уверена, что я кого-то встретила, но не хочу говорить. С трудом удалось убедить ее что это не так. А Андрей — он не пахнет какао и перцем. Последнюю фразу точно не стоило говорить Вале. Если бы не свадебный вечер и вся эта кутерьма, она потребовала бы объяснений, но я и сама не знала, как объяснить, почему это так важно.

Сны, после которых я просыпаюсь, выкрикивая имя мужчины. Запахи, преследующие меня и тоска — будто я забыла что-то важное.

Я не понимала, что происходит. И даже подумала записаться на прием к психоаналитику, может, я и впрямь схожу с ума. Я торопила дни, желая, чтобы наступила ночь. Специально застирала на ночь новое постельное белье с запахом морозной свежести, а просыпалась с ароматом какао.

Каждый год за десять дней до праздников мы вместе с моим хорошим другом — Вовой посещаем детские дома, интернаты, больницы и даем представление — Снегурочки и Деда Мороза. Подарки были недорогие, плюс кульки с конфетами, но я искренне верила, что если у меня была возможность подарить кому-то кусочек праздника, почему бы нет? На работе тоже увеличилось количество концертов, получила я и приглашения спеть на новогодних корпоративах. И если раньше я так бывало подрабатывала, то в этом году отказалась от дополнительного заработка.

— Замечательно выглядишь, тебе очень подходит этот костюм.

— Оля, ты говорила мне это еще в прошлом году, что случилось?

— Я принесла костюм Деда Мороза, но позвонил Вова и попросил тебя найти ему замену.

— Что? Но почему?

— Его девушка не хочет, чтобы он помогал тебе.

Вову я знаю еще со школы, поэтому не могу поверить в услышанное.

— Почему он сам не позвонил мне? И где мне сейчас искать замену, если через два часа мы должны быть в интернате?

— Я знаю, как для тебя важна эта волонтерская работа, но сейчас все заняты.

Я слушаю Олю, почти не разбирая слова. Она очень корректна и вообще очень хороший человек. Именно она в свои двадцать пять лет организовала работу нашей волонтерской группы. Мы называем ее человек дождя. Мне не нравится это сравнение, хотя во время просмотра фильма с Дастином Хоффманом — я плакала. Мне не надо было видеть его игру, чтобы почувствовать и поверить. Оля для меня — человек мира, она пахнет иволгой.

С Вовой у нас было все отрепетировано, ему не мешала моя слепота. И когда дети задавали вопросы, почему я не вижу, а делали они это очень часто из любознательности и любопытства присущего их возрасту, Вова всегда знал, что им ответить, чтобы не обидеть меня и не выйти из образа Деда Мороза.

— Мне искренне жаль, но возможно кто-то из твоих знакомых не откажется помочь.

— Сейчас я никого не найду.

— Арина, дети ждут праздника, и мы не можем их подвести. Саша и Женя должны освободиться через три часа, я могу попросить их заехать в интернат. Прости, что...

— Не беспокойся, я все понимаю.

Но от этого мне не становится легче. Мне кажется я стою на замерзшем озере, но лед трескается под моими ногами.

Крис последовал совету своего слуги, он использовал оставшееся ему время на то, чтобы узнать вкус счастья и любви. Ночами инкуб проходил через зеркальный портал, погружал Арину в сон, и фантазии их обоих оживали. Хотя предыдущей ночью все пошла не так, как планировал Крис. Сколько раз они за прошедшие недели любили друг друга, но ни разу не дошли до конца. Это было решение Криса, он боялся, что эмоции окажутся настолько сильны, что даже его способности не изгонят воспоминания из памяти Ари. Ведь каждый новый раз заставлять ее забывать было все сложнее. А два дня назад, стоя битый час перед зеркалом в ванной, Арина вывела корявым детским почерком его имя на вспотевшей поверхности.

Это корявое «Крис» тронуло инкуба больше чем каждая прошедшая ночь. И сейчас, видя, как девушка из всех сил пыталась не показать своего огорчения, идея пришла сама собой. Ночным встречам пришел конец, Крис стал бояться, что повредит что-то в голове девушки, ведь она не должна была помнить его. Инкуб собирался наблюдать за Ариной из своего мира. Но оставить ее, зная, как серьезно она готовилась к своей роли Снегурочки...

— Трез, срочно одежду из мира людей!

Слуга как всегда невозмутимо кивнул, развернулся и выбежал из комнаты. Крис только когда облачился в брюки и рубашку — понял, что не предупредил дворецкого — в той стране — куда он собрался — сейчас на улице минус десять. С этой мыслью демон шагнул в зеркало, используя человеческий морок.

Ари уже сняла шапку Снегурочки и собиралась расстегнуть шубку. В горле Криса пересохло, сердце в груди билось в два раза быстрее. Вторая девушка — Ольга обернулась на шаги и приоткрыла удивленно рот. Крис спешил, так что воспользовался стандартным мороком, который должен был вызывать одну реакцию у женщин. Ольга облизала губы, нахмурилась, будто не понимала, почему так глазеет на незнакомца.

Арина замерла, принюхиваясь к воздуху, ее руки безвольно упали.

— Привет.

— Привет, — чуть глупо ответила Ольга, прокашлялась и уже по-деловому спросила. — Слушаю вас.

Крис невольно улыбнулся, Ольга и впрямь была сильной натурой, если совладала с обаянием инкуба.

— Меня Вова попросил заменить его.

Ольга удивленно кивнула, перевела взгляд на замерзшую Арину.

— Костюм в пакете, можешь переодеться.

Крис обрадовался, что никто не спросил его о верхней одежде, да и на его весенние ботинки никто не обратил внимание.

— Аришка, вот все и разрешилось, — прошептала Ольга.

— Почему Вова не сказал тебе, что сам нашел замену?

— У него подружка жутко ревнивая, может не хотел, чтобы она думала, что он побеспокоился об этом. А знаешь, я тебе даже завидую.

— В чем?

— Он просто лапочка.

Крис благодаря своему слуху, слышал весь разговор.

— Ну я побежала, у меня много дел, а вам удачи.

Инкуб чувствовал, что воздух электризуется, видел, как Ари непонимающе хмурится с каждым его шагом. Крис знал из разговоров с девушкой, что она видит мир по-другому, вернее слышит, чувствует и вдыхает его. Часть инкуба надеялась, что сейчас Ариша назовет его имя и вспомнит. Но Крис гнал эти мысли, проклятые часы так и не были найдены. А в районе сердца практически не оставалось чистой кожи без уродливых черных линий.

— Я Арина.

— Я знаю.

— Ах, да, тебя прислал же Вова. А тебя как зовут?

— Костя.

Девушка вздрогнула.

— Хорошо, поехали.

Крис поймал такси, стараясь ненароком прикоснуться к Ари уже не во сне, а в реальности.

— Ты уже участвовал в представлениях?

— Нет, но я видел в прошлом году вас с Вовой.

Девушка нахмурилась.

— Я не помню, чтобы Вова нас знакомил.

— Мне пришлось уйти чуть раньше, нежели вы раздали подарки, — солгал Крис.

— Эти дети были брошены своими родителями, потому что родились не такими как все, они отличаются от других, к ним нужен особый подход.

— Не беспокойся, я не подведу тебя.

Крис успел просмотреть во сне почти все воспоминания Арины. И хотя это было не обязательно для снов, но инкуб не хотел в чем-то ошибиться.

Крис прочитал на воротах: «Интернат для детей-инвалидов».

Встав на путь исправления, пытаясь благотворительностью искупить вину и снять проклятие, Крис участвовал в разных аукционах, присутствовал на ужинах, жертвовал крупные суммы денег на помощь. Но демон не интересовался, как использовали его взносы, кто именно нуждался в помощи?

— Все в порядке? — неожиданно спросила Арина.

— Да. Моя мать после моего рождения отдала меня на воспитание отцу, — зачем-то признался Крис.

— Почему?

— Почему? Наверное, она не умеет любить никого кроме себя.

Крис видел глаза детей, они все еще верили в чудо. Демон не понимал, как он лишился веры, когда обладал магией и видел ее могущество. А эти дети, брошенные своими самыми близкими — кто был обязан защищать и любить их, наказанные за чьи-то грехи с рождения — боролись и верили. Крис знал, что сегодня же вызовет поверенного и изменит не только завещание, но уже к Новому году сделает подарки, которые помогут этим детям каждый день сражаться со своими недугами.

- Я забыла свою трость в такси.
- Я проведу тебя домой.
- Не стоит, я позвоню брату.
- Я проведу, — твердо сказал Крис.
- Хорошо.

К концу представления Крис понял, почему и Арина помогает этим детям, не требуя ничего взамен. В такси инкуб молчал, не обращая внимание на взгляды таксиста. Костюм Деда Мороза Арина упаковала в пакет, не зная, что ее спутник разгуливает без верхней одежды. Но сегодня Крис не мерз, напротив ему было тепло.

Крис расплатился с таксистом, тот получив крупную купюру — мелочи у инкуба не было, затерялся в потоке других машин.

Крис планировал доставить девушку в квартиру и договориться о встрече на следующий день. К тому же ему надо было купить сотовый, чтобы созваниваться с девушкой. Но Арина настояла, чтобы он зашел в гости.

- Ты устала, не хочу тебя отвлекать.
- Заходи, угощу тебя кофе.

Крис уже много раз бывал в квартире Арины, но каждый раз как не званный гость.

- Привет, малыш. Соскучился?

Ретривер смешно фыркнул в ладонь девушки, а на гостя даже не обратил внимание.

- Какой кофе ты любишь?
- Черный — с сахаром и молоком.

Инкуб не отводил взгляда от девушки. Это было так по-домашнему — сидеть на кухне и смотреть как твоя женщина порхает от плиты к шкафчикам.

- Я могу ужин приготовить, хочешь?
- Хочу, — поспешно согласился Крис.

Девушка резко обернулась и сняла очки, хмыкнула и убрала их в шкафчик.

- Что приготовить?
- Не знаю.

Арина рассмеялась.

— Ну, хорошо, буду исходить из постулата что все мужчины любят мяса. Ты ведь не веган?

- Точно нет.

Крис никогда в жизни не готовил, он с удивлением смотрел на протянутые в чашке овощи.

- Ты нарезаешь салат, а я жарю мясо.

Крис раньше часто бывал в мире людей, а в последний месяц заполнил существующие пробелы. Но огурцы, перец и помидоры инкуб нарезал впервые, так что получились у него не дольки, а футуристические фигуры.

Пока жарилось мясо, девушка сварила кофе и разлила его по маленьким чашечкам, не пролив ни капли.

- Пахнет невероятно.
- Сначала попробуй, прежде чем хвалить.
- Я и так знаю, что это вкусно.
- Ты заставляешь меня краснеть.
- Тебе идет... Так, помидоры, перец и огурцы я нарезал. Что дальше?

— Почистить и порезать лук. А потом посолить и заправить маслом. Справишься?

Свой первый в жизни салат инкуб пересолил и залил маслом, но Арина едва поморщилась и все съела, даже не прикоснувшись к мясу, которое положила в одну тарелку — для гостя. Крис уже заметил, что девушка держала мяса в холодильнике для гостей, но сама его почти не ела.

— Ты почти весь вечер не сводишь с меня глаз, — неожиданно сказала Арина. — Нравлюсь?

Крис даже растерялся. Солгать и тем обидеть Ари — он не хотел, но и сказать правду не мог, ведь у него оставалась эта неделя до нового года.

— Я позвонила Вове, когда ходила в туалет, он очень удивился, сказал, что не знает тебя.

— Тогда почему ты пригласила меня в свой дом? Может я ненормальный или маньяк?

— Маньяк — нет, они пахнут по-другому. Ненормальный — скорее всего. Только я тоже, наверное, ненормальная, потому что я знаю тебя, не помню, но знаю, что видела тебя в своих снах, — на одном дыхании прошептала девушка и после колебания добавила, — Крис. Подожди! Ничего не говори, просто знай — или ты остаешься со мной и все мне говоришь или уходишь и больше не тревожишь меня — в снах и наяву.

Девушка напряженно ждала ответа. Она вздрогнула и не скрыла эмоций, когда услышала звук отодвигаемого стула.

Крис подошел к двери, остановился в проеме, не осмеливаясь уйти.

— Проклятие убивает меня.

— Кто ты?

Крис резко подошел к столу, посмотрел в невидящие глаза девушки.

— Инкуб, — оживляя воспоминания девушки, отрезая себе пути отступления, выдохнул мужчина прямо в губы Арины.

— Ты! — девушка возмущенно вскочила. — Твой запах на моих простынях! Все эти сны или это были не сны?

— Сны, всего лишь сны.

— Почему в них я могу видеть?

— Сны- отражение моих фантазий и желаний. Я хотел, чтобы ты хотя бы во сне могла вернуть себе зрение.

Девушка задумчиво подошла к окну, прикоснулась рукой к стеклу, выдохнула и нарисовала схематично елку.

— А я могу побывать в твоём мире в реальности, а не во сне?

— Не злишься на меня? — уточнил Крис, он чувствовал себя неудобно, ведь в снах он контролировал каждый шаг и даже желание девушки, а в реальности этой власти у него не было.

— Пригласи меня в гости и узнаешь.

Впервые в своей жизни я готовилась к настоящему свиданию, те редкие встречи-обеды не в счет. Я понимала, что ничего не получится еще до того, как официант приносил десерт. А сегодня я собиралась провести ночь с Крисом. И пение в мои планы не входило. О том сколько времени осталось у Криса старалась не думать. Нет, только не сегодня. Ведь никто не знает свою судьбу. Много лет назад я могла не только лишиться зрения, но и умереть.

Упал кирпич на голову, поскользнулась и сломала шею, остановилось сердце. Каждый день люди — которые строят планы — умирают. А я искренне сомневалась, что когда-нибудь встречу мужчину, к свиданию с которым буду готовиться с усилившимся сердцебиением. Я прочитала и прослушала много книг о любви, еще больше просмотрела фильмов, но один из моих любимейших до сих пор является «Чистое небо». Если отбросить всю коммунистическую пропаганду, то это фильм о том, что порой достаточно нескольких дней, чтобы полюбить. И надо надеяться, когда не остается надежды. Я не знала сколько у нас с Крисом было времени — месяц, неделя или день. Поэтому завтра я собиралась взять отпуск на работе или уволиться, если меня не отпустят. Всю жизнь я думала о других, теперь я хотела думать о нас с Крисом.

Ретривер бегаёт по квартире, он, как и я любит Новый год.

— Завтра мы пойдем выбирать елку, обещаю она будет самой красивой. И о подарке тебе я не забыла, он будет самым большим.

Я слышу стук, улыбка скользит по губам.

— Заходи.

Этот запах какао с чили и ванилью будет преследовать меня всю жизнь, даже когда в ней не станет Криса. Вновь гоню от себя эти мысли.

— Привет.

— Привет.

— Хорошо выглядишь.

— А ты бесподобно пахнешь.

Мы смеемся, в воздухе пахнет теперь специями — это запах нашего желания.

— Идем?

Рокки недоволен, но желания прогуляться в параллельный мир у него нет. Так что я осторожно переступаю грань — это похоже на вязкий туман, в котором я ищу путь. Наверное, если бы не рука Криса — я бы потерялась в портале. Мои каблук стучат по полу. Я вдыхаю знакомый запах, прикасаюсь к стене поместья, дом откликается.

— Милорд. Госпожа, рад приветствовать вас.

Подскакиваю от удивления.

— Господин Трез, — узнаю я старика-дворецкого, о котором рассказывал Крис.

Старик польщенно улыбается, в его ответе можно услышать улыбку.

— Рад, госпожа, что вы решили принять приглашение.

— Я бы и раньше пришла, но меня никто не звал.

Крис молчит, но от его запаха у меня кружится голова. Все эти сны были очень реалистичны, но они не шли ни в какое сравнение с той химией которая витает в воздухе между нами.

— Я позволил себе накрыть стол в малой гостиной.

— Хороший выбор, Трез.

— Я надеялся, что вы одобрите.

В этой комнате я еще не была, пахнет удивительно.

— А я раньше наивно полагал, что слуги ничего обо мне не знают, — рассмеялся Крис.

— Я перекусила пару часов назад и еще не голодна. Но и не хочу обижать твоих слуг. Не сомневаюсь, что ужин превосходен, но может чуть позже?

— Мы можем подняться в мою спальню, если конечно хочешь.

Это было немного странно. Во снах я видела Криса, а сейчас вокруг меня была темнота.

Но с каждым его прикосновением — мир вокруг меня расцветает красками. Как будто художник раскрашивает девственно чистое полотно красками, рождая новый мир.

До ужина — очень позднего ужина — мы все-таки добрались. Думаю, кухарка по пустым тарелкам поймет, что ее старания оценили.

Потом мы бродили с Крисом по его дому, тем комнатам в которых я не была, и я угадывала цвет стен. А потом я все-таки сыграла на фортепиано.

Мне ль не знать, что все случилось

Не с тобой и не со мною,

Сердце ранит твоя милость,

Как стрела над тетивою.

Ты платишь за песню луною,

Как иные платят монетой,

Я отдал бы все, чтобы быть с тобою,

Но может, тебя,

Но может, тебя,

Но может, тебя и на свете нету.

Я сожалею, что выбрала эту песню, ведь она в какой-то степени может стать пророческой. Поэтому, когда стихают последние звуки мы занимаемся любовью прямо на фортепиано, которое вторит нам.

Гл.4 "Ты платишь за песню луною..."

Я вернулась домой где-то в пять утра. Мне надо было поспать хотя бы пару часов, ведь уже в двенадцать Крис должен был заехать за мной. Ворочаюсь пару часов в кровати, понимая, что не могу спать — я хочу петь и кричать, хочу открыть объятие всему миру.

— Рокки.

Мы выходим с ретривером из подъезда. Я чувствую тепло солнца на своем лице, оно тоже обнимает меня.

Но тут меня обдает холодом. Я не говорю привет этому странному нелюдимого соседу, от которого сегодня пахнет злобой, болью и отчаяньем. Рокки начинает рычать, мне становится страшно.

— Куда подорвалась в такую рань? — вздрагиваю и тут же облегченно вздыхаю.

— Привет, Денис. Прости, надеюсь, мой утренний звонок тебя не разбудил?

— Нет, мы с Катей и так собирались на работу.

— Она с тобой?

Денис подходит ближе и завязывает на мне шарф.

— Я не видел тебя всего десять дней, а ты как-то изменилась.

— Я люблю зиму и Новый год.

А также одного демона и моего личного Деда Мороза. Правда последнее я брату не говорю.

Катя предельно вежлива со мной. А мне жаль брата. Я понимаю, что если он женится на этой девушке, то никогда не испытает и сотую долю тех чувств, что переполняют меня сейчас. О, нет, он конечно не будет несчастлив, но он и никогда не узнает — каков может быть мир с тем, кого любишь всем сердцем. Хотя, наверное, так живет большая часть людей: «нелюбимые с нелюбимыми».

— Уже есть планы на Новый год?

Не люблю, когда лгут мне и сама не люблю обманывать. Но я не хочу, чтобы брат начал задавать вопросы и требовать встречи с Крисом, а также не хочу, чтобы меня повезли на прием к психиатру, если я заявлю, что встречаюсь с инкубом.

— Сейчас время концертов, так что планы не строю.

К обеду я решаю все свои вопросы и на ступеньках жду Криса, который запаздывает. Сначала я не волнуюсь, просто улыбаюсь — потому счастлива. С годами мы забываем это ощущение детства, когда просыпаешься на рассвете первого января и осторожно спускаешься по лестнице на первый этаж, чтобы заглянуть под елку, пытаясь не перебудить весь дом. Последние шаги просто летишь, потому что там тебя ждет подарок Деда Мороза, в которого я верила до семи лет. Пальцы дрожат от нетерпения, глаза — плоски, и вот он долгожданный подарок. Вот и у меня сейчас ощущения шестилетней девочки, ожидающей чуда.

Запах города изменился. Новый год — особенный праздник, он делает людей чуточку лучше, добрее и счастливее.

Чувство беспокойства охватывает меня. Крис запаздывает. Ищу сотовый в сумочке, чтобы вспомнить — телефонные вышки отсутствуют в другом мире. Но тут ощущаю его запах.

— Прости, замерзла?

— Просто волновалась.

— Ари, я знаю, что мы договаривались сегодня елку выбрать, но может перенесем это на завтра?

— Что-то случилось? Это из-за проклятия?

— Все со мной хорошо, не бойся. Помнишь я рассказывал тебе о песочных часах?

— Да.

— Так вот, кажется у меня появился шанс найти их, это еще не точно, но...

— Иди.

— Я отвезу тебя домой.

— Я взрослая девочка и уже пять лет живу одна, — Рокки лает, ах, да, я не одна. — Главное — найди эти часы и возвращайся.

Крис обнимает меня так крепко, будто не хочет уходить и не хочет отпускать меня. Я тоже не хочу, чтобы он уходил.

— Иди, — поспешно повторяю я. — И возвращайся с хорошими новостями.

— Хорошо, только я, скорее всего, задержусь, так что ложись спать, не дожидаясь меня.

На сердце тоскливо, и я уже не хочу никуда идти. Размышляю, может и впрямь поймать такси и поехать домой? Но понимаю, что сойду с ума от ожидания и беспокойства. Стараюсь лишний раз не думать, что, если Крис не найдет часы? Проклятие заберет его у меня.

Рокки напряжен, глажу его по голове.

— Все будет хорошо, — успокаиваю себя и пса.

Ловлю такси и прошу отвезти меня на елочный базар. Парень оказался говорливый, его ничуть не смущает моя слепота, и он сообщает мне что мечтает завести ретривера. Я рада отвлечься и дать рекомендации по содержанию пса, оставляю свой номер телефона, обещаю узнать у знакомых, когда появятся щенки.

Обычные люди выбирают елку глазами, а я собираюсь выбрать ее по запаху. На улице холодно, но я не тороплюсь. Я хочу найти именно ту единственное ель. Возможно я даже успею нарядить ее до того, как появится Крис.

— Папа, ну давай ее купим!

Детский голос напоминает мне наши с отцом походы по магазинам и ярмаркам.

Наконец-то я нахожу ель, оплачиваю ее стоимость и доставку. Звоню соседке по лестничной площадке — я оставляю ей иногда ключи, когда мне должны доставить покупку. Так что ель будет ждать меня в гостиной. Новогодние игрушки я выбираю сама, впрочем, как и наряжаю елку. В первый самостоятельный праздник на квартире — Денис ржал как сумасшедший над моей елкой. Я тогда немного обиделся, и брат сказал, что ему даже понравилось — очень необычно. Каждый год у меня получалось что-то новое. Денис выкладывал фотографии в сеть, а затем читал мне комментарии. Смеялись мы до слез. Улыбаясь, представляю реакцию Криса. Хочу, чтобы он улыбался. Хочу, чтобы проклятие исчезло. Хочу еще тысячи ночей видеть вместе с ним сны.

На улице холодает и начинается снегопад, но мы с Рокки идем в торговый центр. С животными вход запрещен, но здесь мы постоянные посетители, а Рокки вообще любимец многих консультантов. Новогодние подарки близким я покупаю заранее, но Криса в моей жизни не было еще до вчерашней ночи. Да, он был в моих снах, но я его не помнила.

Что можно купить мужчине на Новый год? А что если твой мужчина не человек, а

инкуб? И если он живет в другом мире? Вот эти вопросы и мучили меня. Крис был богат и у него была магия. Но мне хотелось сделать ему особый подарок.

Шарф? Часы? Запонки? Все это было слишком избито. Да и знала я Крису слишком мало времени, чтобы знать, что ему нравится. Но дарить банальность не хотела.

— Здравствуйте, Арина.

— Здравствуйте, Антон Сергеевич.

— А вы смотрите опять к нам. Забыли кому-то подарок купить?

— Да.

— Внимательно слушаю вас.

Я даже растерялась немного.

— Если бы я знала, что ищу.

— Я могу полюбопытствовать — для кого подарок?

— Для любимого, — слова срываются с губ, прежде чем я задумываюсь.

Антон Сергеевич — владелец торгового центра. Все помещения он сдает в аренду, но двумя магазинами руководит самостоятельно.

— Первый подарок? — улыбается мужчина.

— Только недавно стали встречаться, — признаюсь я.

— Понятно, — пробормотал Антон Сергеевич. — И мыслей никаких?

— Не знаю, чтобы его удивило.

— А вы хотите удивить?

— Я...нет, я не хочу его удивить, скорее хочу...

— Сделать ему особенный подарок, который выразит ваши чувства.

— Где-то так, — соглашаюсь я.

Время летит незаметно. Антон Сергеевич редко сам занимается с клиентами, но ко мне у него особое отношение. Поэтому пару часов мы выбираем подарок, а потом мы идем в небольшой ресторанчик с итальянской кухней. Я съедаю несколько кусочков пиццы и запиваю все газировкой. Вредно, но вкусно.

— Мне пора.

— Заходите чаще, Арина. И не только за покупками. Постойте, я возьму пальто и вызову вам такси.

— Я хотела прогуляться.

— В такой снегопад?

Таксист спрашивает адрес и молчит всю дорогу. Рокки положил мне морду на колени, он устал и жаждет вернуться к своим фильмам.

Таксист утверждает, что у него нет сдачи. Он лжет, но сегодня я не хочу ссориться ни с кем в этом мире, поэтому желаю ему не поскудиться на подарок ребенку.

— А откуда?

Я не дослушиваю вопрос. О ребенке я узнала по запаху засохшей детской отрыжки на его одежде.

Несколько мгновений люблюсь снегом, протянув ладонь и представляя белоснежные перья.

Рокки останавливается первым и начинает рычать. Меня опять пронизывает это гадкое чувство. А ведь я даже не знаю имя этого странного типа.

— Ну, че уставилась? — огрызается он.

Я ничего не отвечаю, тем более что к запаху гнили примешивается запах алкоголя.

Рокки рычит громче, он не любит пьяных людей.

— И пса своего заткни!

А дальше все происходит так быстро, что я даже не успеваю отреагировать. Мужчина бросается на моего ретривера, я пытаюсь оттащить Роки, получаю удар по лицу и падаю. Я слышу звук тормозов, чувствую резкий удар, мне кажется, что я лечу, а затем падаю. Рядом скулит Рокки.

— Эй, ты как, я ведь не хотел... Я не хотел.

Голоса, я слышу много голосов и звуков, кто-то звонит в скорую, кто-то спрашивает об оказании первой помощи, звонок в полицию. Я слышу все эти голоса гулом, а также в отдельности. Но я прислушиваюсь к скулежу рядом со мной. Смерть имеет свой запах.

— Рокки.

Я шевелю губами, но не слышу свой голос.

— Стой на месте, я видел, как ты толкнул ее.

— Я же сказал, это несчастный случай. Это ее псина бросилась на меня!

— Полиция разберется.

Это последние слова, которые я слышу, а потом я оказываюсь в настоящей тьме. Ни звуков, ни запахов — ничего. И мне действительно страшно. Мне кажется я опять одна в темной комнате, откуда мне никогда уже не выбраться.

Крис смотрел на небольшие обычные песочные часы, с трудом веря, что он успел. Осталось только проверить — правдивы ли слухи об этом артефакте. И справятся ли часы с посмертным проклятием черной ведьмы.

— Что я должен сделать, отец?

— Видишь сверху пиктограмму?

— Да.

— Капни на символ свою кровь, а затем переверни часы. Как только упадет последняя крупинка, проклятие исчезнет.

Крис посмотрел на отца, тот сделал все возможное, чтобы помочь ему найти часы.

— Спасибо тебе. Я редко благодарил тебя за все эти годы, но я хочу, чтобы ты знал...

— Крис, сделай уже это, а потом можешь выступить с благодарственной речью, хотя тебе не Оскар вручают.

Инкуб улыбнулся, отец всегда сохранял оптимизм и чувство юмора — в любой ситуации.

— Надеюсь, однажды я смогу тоже стать хорошим отцом.

— Да будет так, — согласился демон, — а теперь сделай это.

Крис поставил часы на стол, взял нож для бумаги со стола и сделал надрез на большом пальце. Нож упал на пол, инкуб побледнел.

— Что с тобой?

— Ари, ей плохо, я чувствую.

— Ты говоришь о девушке из мира людей?

Инкуб не рассказывал отцу об Арине, но сейчас ему было все равно откуда он узнал. Крис подошел к зеркалу, чтобы найти девушку.

Несколько зеркал в кабинете ярко осветились, как будто от солнца, но это был свет фонарей и фар машин. Изображения в зеркалах были искажены. Ари лежала на снегу, ее

тело выглядело поломанной куклой, а в метре от девушки умирал пес. Крис следил за дыханием девушки, на мгновение ему показалось, что Ари не дышит и тогда сердце инкуба пропустило удар. Но маленькое облако пара дало надежду, что девушку можно спасти. Крис метнулся к часам на столе. Если они способны были снять проклятие, они должны были спасти и Ари.

Редмуд оказался проворнее — часы были в его руках. Крис непонимающе посмотрел на отца и протянул руку.

— Нет, их магии не хватит спасти вас двоих.

— Я знаю...

— Тогда я не могу тебе позволить взять их.

— Решать только мне!

— Я — твой отец, так что это — не только твой выбор. Люди смертны, их жизнь в несколько раз короче нашей. А ты...

— Если ты не дашь спасти ее, я все равно не воспользуюсь часами.

— Крис, ты можешь прожить долгую жизнь!

— Я думал, что Дейра — твоя истинная пара, — покачал головой Крис. — Но это не так, если ты думаешь, что я выберу собственное спасение, а не жизнь Ари.

Редмуд опустил плечи, теперь и он понял.

— Истинная пара...но она же человек!

Демон больше не спорил, просто протянул часы.

— Иди. Я отсюда чувствую, как жизнь утекает из нее.

Крис поспешно обнял отца, стараясь не встречаться с ним взглядом, а потом шагнул в зеркало, набрасывая морок.

Сильный ветер пронизывал, он раздувал тонкую рубашку инкуба. Крис шел вперед, и толпа перед ним расступилась.

Мужчина опустился на колени рядом с девушкой.

— А вы кто ей?

— Я врач, — солгал Крис. — Все — отойдите на несколько шагов.

Инкуб убрал волосы с лица девушки, погладил ее по синяку на щеке и тихо позвал.

— Ари...

Но девушка не слышала, она спала.

Крис не знал, как ее разбудить, чтобы она выполнила нехитрые манипуляции с часами. Где-то вдали был слышен вой сирен скорой помощи. Мужчина никогда не любил свою способность проникать в чужой мозг, но сейчас это был единственный шанс. Но вот только пробиться через барьер — Крис не мог. Потому что девушка не спала, она находилась в коме. Инкуб слышал обращенные к нему вопросы, совет переложить девушку с холодной земли, но он искал выход. Крис подумал, что остается последний шанс — соединить их сознания. Инкуб прошел через барьер и оказался в лабиринте комнат и ходов.

— Ари!

Времени оставалось все меньше, оно утекало как песчинки в часах, которые инкуб держал в руках в реальности и в этом мире подсознания.

— Ари!

Инкуб открывал двери лабиринта, но везде царил темнота и тишина. И когда надежда почти растаяла на ладони как снег, Крис наткнулся на закрытую дверь. Он знал, что подсознание девушки пыталось защитить ее, но сейчас оно убивало ее.

— Ари, помоги мне.

С третьей попытки, но Крис открыл двери. Он увидел маленькую семилетнюю девочку, которая сидела на широкой кровати и прижимала к груди большого плюшевого медвежонка, озираясь, но ничего не видя вокруг.

— Арина.

— Кто ты? — испуганно спросила девочка.

Крис размышлял несколько секунд, прислушиваясь к биению сердца девушки. Времени почти не оставалось. А Арина должна была ему поверить и довериться, только так он мог помочь ей. В семь лет все дети верят в чудеса.

— Я, пожалуй, Дед Мороз.

Арина отрицательно покачала головой.

— Денис сказал, что Деда Мороза не существует.

— А Денис разве тебя никогда не обманывает?

— Он любит надо мной подшучивать, — согласилась девочка.

— Вод видишь, — выдохнул облегченно инкуб и сделал пару шагов вперед к кровати. — Я прихожу к тем детям, которые ведут себя хорошо. И приношу им подарки.

— Ты и мне принес подарок?

— Волшебный подарок, — подтвердил Крис, — магические часы.

— Волшебные? — с надеждой спросила девочка.

— Да. Тебе надо нажать на кнопку и повернуть часы.

— И я смогу вновь видеть?

Крис не знал, что ответить.

— Ты должна будешь пожелать стать здоровой — совершенно здоровой!

— Хорошо.

Крис помог девочке найти кнопку на часах.

— Мне страшно.

— Обещаю, все будет хорошо.

Девочка вскрикнула.

— Они меня укусили, — пожаловалась она.

— Не бойся. А теперь переверни часы.

Криса выбросило из подсознания Арины. Инкуб смотрел на часы, песчинки которых попадали в желоб. Магические крупинки опали золотом на дно стеклянной колбы.

Крис с улыбкой прислушался к биению сердца девушки. Инкуб сожалел только о том, что не успел стереть воспоминания о себе. Но человеческая память устроена по-другому, успокаивал себя инкуб. Последняя крупинка упала на дно и раны на теле девушки стали затягиваться. Санитары скорой помощи оттолкнули инкуба, Крис отвел глаза людям. Он стоял на тротуаре, покрытом снежной пеленой, и смотрел как машина скрылась в потоке машин. Пес лежал на дороге. Крис перенес его на лужайку и прежде чем исчезнуть через осколок зеркала, Крис прошептал одно слово ветру и снежной пурге, чтобы они передали его девушке — прощай.

Голоса, несколько голосов рядом со мной громко спорят. Голос Дениса дрожит от волнения и неверия. Мама рыдает. А отец задает отрывистые вопросы. Еще один запах мне незнаком. Мужчина пахнет белым халатом и лекарствами. И я вспоминаю удар по щеке. То

как я отступилась. Поскользнулась. Удар — больно. Ведь я почувствовала смерть Рокки. Мой верный друг — он не мучился. Все произошло слишком быстро. Слезы катятся из глаз. Я поднимаю руки и недоверчиво смотрю на незнакомые ладони с ногтями, покрытыми лаком кремового цвета. Перевожу взгляд дальше.

— Мама.

Мой голос слаб, и я не сразу осознаю, что он принадлежит мне. Моя мама изменилась за прошедшие годы. Но она все такая же статная красавица — которая испуганно и недоверчиво смотрит на меня. А вот отец постарел. Его волосы поредели, виски белые. А в глазах, как и у меня слезы. Незнакомых мужчин в комнате двою. Один в белом халате — врач. А вот второй парень с отвисшей челюстью и глупым выражением на лице:

— Денис.

Мой брат совершенно глупо улыбается и кивает. И вот только тогда я понимаю — я вижу. Я больше не была слепа. Эта мысль почему-то пугает меня. Что-то было не так. Но я не понимаю — что? Меня сбила машина. Как я могла прозреть?

— Невероятно, — говорит мужчина в халате, — сколько пальцев?

— Три, — хриплю я.

— Точно три, — удивляется доктор.

Первой бросается ко мне мать и крепко обнимает, шепча мое имя. Отец гладит меня по голове. Денис осторожно присаживается на краешек кровати.

— Ну ты нас и напугала, сестренка.

— Как? — не понимаю я.

— Чудо, — совершенно серьезно отвечает мне брат, — новогоднее чудо.

«— Кто ты?

— Пожалуй, Дед Мороз»

Это был не сон. Крис нашел песочные часы, но их волшебство он отдал мне. Зачем я только не послушалась его и не разрешила отвезти меня домой? Зачем до вечера искала чем себя занять, а не вернулась в квартиру? Почему именно сегодня встретила этого сумасшедшего соседа? Почему «он» не спросил меня — согласна ли я была быть спасенной таким образом?

— Эй, что с тобой? Теперь все будет хорошо.

Я хочу ответить брату. Я даже пытаюсь что-то объяснить о Кресе и о волшебных часах. Мои близкие смотрят на меня с ужасом. Отец и Денис помогают держать меня, когда мне делают укол успокоительного. Я засыпаю, надеясь, что возможно Крис придет ко мне во сне...

Утром просыпаюсь и вижу мать, которая провела всю ночь в моей палате. Отец и Денис в коридоре. Пришли анализы — я совершенно здорова. Врач задает мне вопросы. Я утверждаю, что ничего не помню после того как вышла из такси. Меня сбили? Хорошо. Я прозрела? — понятно. Крис? Крис...нет, среди моих знакомых нет никого с этим именем. Ваш пес не выжил — горько улыбаюсь, теперь я вижу, так что ничего страшного.

Я могу ехать домой.

Врачу не терпится взять еще десяток анализов. Но он ведь сам сказал, что я здорова. Мужчины выходят, а мама помогает мне переодеться. Я и в детстве, ослепнув и путаясь в одежде, отказывалась от ее помощи, но сейчас мне было все равно.

В машине долгие минуты все молчат. Денис говорит, что нашел Рокки на лужайке. Кто-то убрал его с проезжей части. Мама шикает на Дениса, но я искренне благодарна брату.

— Куда мы едем?

— Домой.

— Мне надо в квартиру.

Я не разубеждаю мать, что мне надо собрать вещи. Я смотрю в окно. Я помню мир другим. Возможно, вырастая, мы меняем свое отношение к миру или же без Криса мир для меня потерял все краски. Меня не беспокоили этой ночью сны. И дело не в лошадиной дозе успокоительного, которое мне вкололи. Я знаю, что Крис бы пришел — если был бы жив.

Мы выходим из машины.

— Я хочу остаться одна.

— В смысле?

— Мне надо побыть одной. Я позвоню.

Родители и брат пытаются меня переубедить. Но я смотрю на то место, где меня сбила машина. Крис перенес Рокки. Только не плакать.

— Я не передумаю.

Не знаю, что думает отец, но он крепко обнимает меня, отмечая, что мои руки безвольно висят и я не отвечаю на его объятие.

— Пойдем, Люда.

— Но, но... — моя мама ничего не понимает.

Мне плохо от того что я не могу сказать им правду, но так будет лучше для них. Ведь я уже пыталась рассказать о Крисе.

— Я люблю вас.

Три взгляда прожигают мне спину. Но я захожу в подъезд и закрываю глаза. Я поднимаюсь по лестнице с закрытыми глазами, ищу ключи в сумочке и захожу в квартиру. Запах елки сбивает меня с ног. Сумка падает, и песочные часы выпрыгивают и катятся по полу. Обыкновенные песочные часы, которые совершили чудо — спасли мне жизнь и вернули мне зрение. Я должна быть счастлива, но вместо этого я корю себя за то, что Крису пришлось сделать выбор в мою пользу, за то, что я не сказала, как он важен для меня. В зеркале я вижу только свое отражение. Мир Зазеркалья остался сном и Крис остался только сном.

Эпилог. "И только с губ слетает: "Аллилуйя!"

Валя держит на руках маленький комочек, который носит гордое имя — Петр Максимович Львов. Ему всего день от роду. Но мне кажется он самый красивый младенец на свете.

— А вот и твоя будущая крестная мама.

— Привет.

Валя забеременела через три месяца после брака. И эта бизнес-вумен даже не вспомнила, что собиралась завести ребенка через несколько лет. Валя любила малыша все те девять месяцев, что носила его под сердцем. Подруга стала другой — менее резкой. Более домашней что ли. Максиму перемены в жене нравились. Хотя я все равно не могла представить лицо Максима, когда Валюха испекла ему пироги и связала первые — совершенно кривые — но такие милые пинетки.

— Когда тебя выпишут?

— Через пару дней, ой кого-то пора кормить.

Наверное, есть что-то магическое в матери, кормящей ребенка. Целую в щечку это крохотное чудо. Я знаю — мы будем лучшими друзьями. Ведь он пахнет карамелью, чихаю, и еще детской присыпкой.

Обнимаю Валю, которая не отвлекается от самого важного человека в своей жизни. Задерживаюсь на пороге, чтобы навсегда запечатлеть эту картину в памяти.

На улице сверкает солнце и играет бликами на льняном поле, сотканном из снега. Недавно я получила права и теперь езжу на яркой — красного цвета рябины — машине. Заезжаю в свою любимую пекарню и покупаю пакет со всевозможными сладостями. У меня кружится голова от их аромата. Весь салон пропах сдобой. Я паркуюсь у дома. Я уже давно не вздрагиваю, когда прохожу через дорогу там, где меня сбила машина. Это все в прошлом. Теперь я абсолютно здорова. Я даже думаю, что проживу намного дольше чем обычные люди. Сравниваю себя с цирковым мышонком из «Зеленой мили». Я не хочу сравнивать себя с героем Тома Хэнкса. Ведь он пережил всех своих близких и остался один.

— Ариша, вы сегодня прекрасно выглядите, и вы совсем забросили походы в парк.

Киваю почтенной даме, которая была для меня только голосом на протяжении нескольких лет. Но теперь у нее появилось лицо. Впрочем, у всех моих знакомых появились лица. В первые месяцы после возвращения зрения — все вновь знакомились со мной. А я приняла правила игры, не зная, как сказать, что помню запах каждого из них.

Морщусь от резкого запаха краски в подъезде. Нам только сделали ремонт и теперь подъезд напоминает мне дом скорби своими желтыми стенами. Ускоряю шаг, чтобы быстрее пройти это пестрое безумство, и почти забегаю в квартиру. В этом году я решила не менять традицию и перепутав все игрушки в коробке, наряжала елку с закрытыми глазами. И впервые я видела результат. Он меня насмешил. Но я не перевесила ни одну игрушку. Прямо перед елкой лежит большая коробка с красным бантом с просверленными дырочками в кордоне. Коробка шевелится. Я отрываю бант, хотя уже знаю — кого там увижу. Он совсем еще маленький — мой золотистый ретривер. Он сидит, задрав смешно голову, и смотрит на меня: на его шее ошейник.

— Зови меня Рокки, — читаю я сквозь пелену слез.

Протягиваю руки и беру этот мягкий пушистый комок на руки.

— Ну давай знакомиться, Рокки. Меня зовут Арина.

Пес лижет меня в нос, и мы смотрим в глаза друг друга. Это любовь с первого взгляда.

Глаза смотрят на открытку: я не сразу замечаю ее.

— Подарок от Деда Мороза, — написано на ней.

А затем аромат какао, перца чили и ванили окутывает меня.

— Привет.

— Привет.

Крис присаживается на корточки передо мной.

— Еще рано дарить подарки, — глупо улыбаюсь, — до Нового года еще неделя.

— А у нас свой Новый год, — возражает Крис.

Год назад, вернувшись домой из больницы, я прорыдала несколько часов, лежа на полу и сжимая эти чертовы часы и любимую игрушку Рокки. А потом я проснулась в спальне Криса и это был не сон. Часы не смогли бы снять проклятие — этот вывод после долгого изучения артефакта, сделал отец Криса. Проклятие инкуб мог снять только сам, пожертвовав своей жизнью ради спасения другого. Откат от проклятия, которое убивало Криса десять лет, был так силен, что он пролежал без сознания почти сутки. Честно, в то что Крис жив и ему ничего не угрожает — я поверила, наверное, только в новогоднюю ночь, когда познакомила своего инкуба с родителями. То, что он из другого мира и принадлежит к другой расе — мы решили не говорить, по крайней мере, пока не появятся маленькие демонята. А так как история и человеческого и мира Зазеркалья хранила немало историй рождения полукровок, то мы планируем большую семью.

Я ослепла в семь лет, и мир стал для меня фантазией. А теперь я не только видела обычный мир, мне представилась возможность увидеть мир Криса. Зеркала позволяли нам странствовать по моему миру. Франция, Италия, Шотландия...и все за один день. Я узнала и Зазеркалье с его многочисленными расами, в существование которых верилось с трудом. Но во снах, мы с Крисом путешествовали и на другие планеты. Прогуляться на темной стороне Луны, позагорать на Марсе, исследовать Андромеду. Крис мог создать любой мир, и для нас двоих он становился настоящим.

Маленький Рокки кусает меня за палец, кажется он голоден. И ему не нравится, что на него никто не обращает внимание.

— Ты голоден? — спрашиваю Криса.

Инкуб кивает.

— Салат готовишь ты, — предупреждаю Криса, хотя он все также не может угадать с солью и маслом.

Мы идем на кухню. Моя маленькая семья. Рокки первым съедает свой обед и засыпает у батареи. А я сегодня не могу проглотить ни кусочка, просто сижу и смотрю на Криса. Ловлю его вопросительный взгляд и качаю головой. Не знаю, как выразить словами ощущение умиротворения и счастья. Но Крис всегда понимает меня без слов. Он протягивает руку ладонью вверх. Мы выходим на балкон. Как и год назад начинается снегопад. Я закрываю глаза. Зима для меня пахнет — морозом и свежестью, мандаринами и шампанским, хвоей и мишурой. Улыбаюсь, а еще зима для меня пахнет — какао, чили и ванилью. Теперь каждое время года пахнет для меня горячим обжигающим шоколадным напитком.

Больше книг на сайте - Knigolub.net